

Тобольск. То-больск, вслушиваюсь в слово, где-то глубоко внутри просыпается какая-то давняя, родная, исконная боль. Нет, не телесная, не больничная, а такая необходимая, трепещущая боль живой души, благодаря которой мы вспоминаем о существовании этой самой души, согласно народной мудрости — «пока болит — помним». Боль, которая дана нам во спасение, как физическая, оберегающая нас от тяжких травм и смерти, так и душевная, спасающая душу от губельной чёрствости и окаменения. Думается, что город Тобольск с его людьми, с его историей, с его тёплым кремлёвским сердцем и сам в какой-то степени является такой болью, напоминающей своей стране о существовании живой русской души. Эта боль всегда живёт в людях равнодуш-

ных, болеющих за свою Родину, свою культуру, свою историю, свои национальные ценности. Тобольск свёл меня с одним из таких беспокойных, не дающих забывать нам про свои корни людей. Аркадий Григорьевич Елфимов — руководитель и основатель фонда «Возрождение Тобольска» — организовал выставку моих картин в старейшем сибирском городе, в котором я бывал и прежде, но в этот раз мне его показывал человек до тонкостей знающий, строящий, украшающий, прославляющий этот город и, конечно же, искренне любящий его и с радостью делящийся этой любовью. Меня разместили в современной и очень уютной гостинице «Сибирь», где старая мебель, старинные предметы, в том числе фотографии, картины — наполняют пребывание в ней ощущением при-

Владимир Анатольевич Чупилко — художник, родился в 1960 г. в Сибири, на стыке Васюганских болот и Барабинской степи. Учился на художественно-графическом факультете Омского педагогического института. Провёл более 30 персональных выставок во Владимире, Коломне, Нижнем Новгороде, Омске, Тобольске, Ханты-Мансийске, Таре.

частности к истории города. А если подчиниться магнетической силе, исходящей от расположенного рядом кремля, и, выйдя, прикоснуться ладонью к его белой стене, то можно ощутить затаившееся там шершавое время. Городов, способных похвалиться таким чудом, как кремль — в России не так уж много, чуть больше десятка. В большинстве из них мне удалось побывать. Все эти города обладают не только внешней красотой, но и внутренней, незримой для поверхностного туристического взгляда крепостью и силой русского духа. Без суеты и спешки обойдя пару раз кремль снаружи и изнутри, соприкоснувшись ногами, руками, сердцем, головой с его внешними и внутренними путями, наполнившись молитвенной тишиной Софийского собора и Абалакского монастыря, исторической и художественной памятью музеев, неторопливым созерцанием пешеходных прогулок по нижнему и верхнему городу, в этот раз я с особенной, щемящей силой ощутил сердечное тепло Тобольской земли. Но лишь только ощутил, понять же более полно свою глубинную связь с этой землёй мне удалось спустя год. Год непростой: с эпидемией и карантинами, со страхами, тревогами и утратами, со смещениями приоритетов и обострениями противоречий. Одно из них разгорелось в Тобольске в связи с установкой Елфимовым в парке «Ермаково поле» Поклонного креста «Казакам дружины Ермака — от благодарной России». Являясь высокохудожественным произведением,

и не просто важным, но и необходимым акцентом всей парковой композиции, Поклонный крест не смог в своё время встать на своё место. Может быть, виноват в этом планетарный короновирусный страх, может быть — просто сытое время прячет от людей, поставленных государством защищать свои историю и культуру, такие человеческие качества, как смелость, мужество, ответственность, самопожертвование. И вот — пришлось доказывать правомерность установки памятников своим героям на своей земле. Тысячи людей из разных регионов России выразили поддержку Елфимову в отстаивании очевидной истины о значимости фигуры Ермака в истории России. Под обаяние его былинной славы попадаю и я всякий раз, приезжая в Тобольск, которое в этот раз усилилось посещением парка «Ермаково поле». Эта поездка, вдохновенные рассказы Аркадия Григорьевича и его, наполненное созидательной энергией, почитание «князя сибирского» — отразились в подаренной ему моей картине «Атаман Ермак. Под крылом Архистратига». Но вот прошёл этот год, памятник занял своё, предназначенное ему место, и хоть не ушла совсем эпидемия, но к ней постепенно привыкли, и жизнь стала насыщаться новыми красками и входить в прежнее русло, как каждую весну река, ломая лёд, наполняет русло полнотой вод.

Поднялась вода и в Оми, совсем небольшой по нашим меркам сибирской речке, однако — в три раза превышающей длиной Темзу. И вот

мы с владыкой Петром, епископом Калачинским и Муромцевским, поехали в Крещенку, самое высокое сельское поселение на всём протяжении Оми. Владыка искал истоки реки, подарившей своё имя одному из самых крупных и загадочных городов Сибири, поднимаясь вверх по полной воде до самых самых родников, ручейков, озёр и болот её питающих, что, кстати, ему и удалось. Я же пытался приникнуть к своим родовым истокам, так как Крещенка — это моя малая родина. Это место, где крепится моя пуповина, через которую питается душа земными материнскими соками. Чем дальше я уезжал от этого места, тем дольше и труднее шли эти соки. Конечно, я находил пропитание душе в творчестве, в природе, в книгах, но детская её часть всё время помнила вкус и родниковую чистоту той далёкой ностальгической пищи. И вот я здесь, в этой глубинке, далёкой от мёртвых пластмассовых удобств и внешней яркости городов, в этой деревянной деревеньке, так красиво дряхлеющей своими живописными покосившимися заборами, облупившейся краской на ставнях, приосевшими, но ещё крепкими домами-пятистенками. Здесь, где современная черепичная крыша или цветной забор смотрятся как яркая помада на бесформенных губах сморщенной старухи, не хочется ни быстрой езды, ни громкой музыки, ни пёстрых праздничных одежд. Но простые слова хороших собеседников у костра на берегу журчащий реки, крики ночных птиц и по детски безмятежное засы-

пание под музыку дождя в палатке — это было именно то, чего просила душа. И ещё — эта щемящая, нежная боль за давно прошедшее детство и уходящий патриархальный деревенский уклад, как будто бы растущая из родной земли, носящей название Крещенка. Но, как я узнал в этот приезд, раньше эта деревенька носила другое имя — Тоболка. Не сохранилось никаких письменных источников, есть только устная легенда: первые её поселенцы были казаки — выходцы из Тобольска, ходившие сюда с Тарским письменным головою Андреем Воейковым, который в августе 1598 г. нанёс окончательное поражение «прегордому» хану Кучуму. Вот так оказалось, что Тобольск с этой нежной болью души уже с самого моего рождения незримо живёт сокровенно где-то там, в корневых подкорковых глубинах.

Заложенные предками, так же глубоко и прочно лежат мои симпатии к природе. Отец и дед мой были лесниками, они любили природу, знали её и заботились о ней. Уважение к своим предкам, к их делу естественным образом распространяется на всех людей, насаждающих и оберегающих наших зелёных братьев. С тех самых пор, когда были изгнаны прародители из райского сада, люди всегда мечтали в него вернуться, ну или хотя бы построить его подобие на земле. Разводили сады князья и цари, градоначальники и помещики, монахи в своих обителях насаждали монастырские сады, а в атеистическое время — цвели сады колхозные. Почти во все эпохи и почти в

каждом регионе находился человек, способный отзываться деятельной взаимной любовью на бессловесную, жертвенную любовь растений. Такие люди похожи на города с кремлём, их немного, но они крепкие и красивые сердцами.

Был и на омской земле такой человек — Павел Саввич Комиссаров. Уроженец Казани, где климат вполне пригоден для садоводства, но он с молодости мечтал выращивать фрукты и ягоды в далёкой Сибири. И с верой в заветную мечту, среди пыльных степей, в 35 километрах к юго-востоку от Омска, в 1895 г. заложил удивительный сад, сад со сложной и нелёгкой судьбой. Это сейчас дендропарк им. П. С. Комиссарова — жемчужина сибирского садоводства, а тогда, страдающий от острых зубов зайцев, от поздних весенних заморозков и сильных зимних морозов, он держался только непосильными трудами и упорством всей семьи Комиссаровых. В 1907 г., вопреки природным условиям и мнениям обывателей, Павел Саввич получил первые крупные плоды яблок. Один небольшой ящичек с этими яблоками и альбом с фотографиями сада попал к Императору Николаю II. И вскоре золотые часы с цепочкой и дарственной надписью «Комиссарову П. С. за успехи в садоводстве из кабинета Его Императорского Величества» были вручены трудолюбивому садоводу. В 1911 г. здесь уже росли 80 сортов яблонь, 15 сортов вишни, мушмула, рябина, орешник, виноград, можжевельник, туя и шелковица. Павел Комиссаров был

удостоен премии князя Гагарина, избран Почётным членом Императорского русского общества садоводства и огородничества. Но тяжёлые времена революций и войн касаются не только людей, вместе с народом всегда страдает и природа. Во время гражданской войны через сад прогнали полторатысячное стадо скота, и он был практически уничтожен. А Комиссаров, пережив сильное психическое потрясение, вскоре тяжело заболел воспалением лёгких, затем тифом и умер. Сад был национализирован, а семья его вынуждена была покинуть свой дом. Во время Великой Отечественной войны сад всё больше приходил в запустение, уничтожались ценные породы, на территории сваливался мусор. Домик Павла Саввича растаскивался по кирпичикам, а его растения погибали от разросшегося бурьяна и свободно гуляющего по саду скота. Из росших когда-то 303 видов редчайших деревьев и кустарников чудом уцелело около 25%. И лишь в конце XX века нашлись люди, душой болеющие за историческое и природное наследие. Благодаря их усилиям, сад ожил и стал уникальным рукотворным памятником первому сибирскому яблоку, продолжив благородное дело Павла Комиссарова. Прежде же чем сажать плодовые растения на Омской земле, самоотверженный садовод со своей молодой женой пытались создать такой сад в Тобольске. Пять лет жизни в борьбе с суровым климатом, среди непонимания людей, без поддержки чиновников — не принесли успеха, и они

переехали в Омск. Но благие намерения остались в памяти земли. И вот через сто с лишним лет сад всё равно возник — в другом формате, усилиями другого человека, но с такими же благими намерениями. Аркадий Григорьевич Елфимов с отеческой любовью рассказывал и показывал свой сад, своё растущее детище. И, несмотря на зиму, на графическую скромность пейзажа, в спокойном сонном дыхании сада незримо чувствовалась благодарность ухоженной, возрождённой земли.

Говоря о зелёных братьях наших меньших, нельзя не упомянуть об одной из последующих жизней деревьев, ведь они, как и люди, не умирают, когда отнимаются от земной груди. Одни из них служат нам в быту и на производстве, другие, перегнивая, питают корни последующих поколений растений. Но некоторые, наполняясь знаниями, мыслями, чувствами людей, но при этом сохраняя свою прежнюю природную наполненную солнцем и ветром древесную память, становятся книгами, которые с детства сопровождают нас в разных своих ипостасях — друга, учителя, гида, машины времени и т.д. Когда-то давно, в пору поисков себя, а, соответственно, и книжных пристрастий, листалась не без интереса и эзотерическая литература. Оттуда я узнал, что моим деревом по гороскопу друидов является липа. Оно мне было знакомо и как одно из лучших для художественной резь-

бы, и из рассказов мамы о её вятском детстве. Когда жестокая война вытягивала из страны и без того не очень-то обильные жизненные соки, когда в их многодетной семье не хватало еды, одежды и обуви, приходила на помощь липа. Моя бабушка сушила липовую кору, перетирала и добавляла в муку. Лепёшки из неё уже не имели твёрдой пористости настоящего хлеба и проскальзывали в голодные детские желудки с невероятной быстротой. Иногда подсластить их липовым мёдом позволяли оставленные ушедшим на фронт дедом несколько пчелиных ульев. А в умелых руках маминых старших братьев липовое лыко обрабатывалось в лапти, рогожи и даже игрушки. Хотя это дерево не росло в местах, где я жил, но я постоянно встречал его в своих путешествиях по старинным городам средней полосы России. Потому оно никогда не воспринималось мною каким-то экзотическим эвкалиптом или баобабом, а было такое же родное, русское и любимое как берёза, ива или кедр. Пил я липовый чай, ел я липовый мёд, резал шкатулки из липовых досок, и сам я липа по гороскопу, но ни разу не посадил не одной липы. Как хорошо, что мне довелось оказаться в Тобольске и устранить эту несправедливость в ботаническом саду «Ермаково поле». И теперь уже с меньшим чувством вины и с большей радостью я смогу обнимать при встрече липовые деревья...